

НА ЗЕМЛЕ НЕЗАСЕЛЕННОЙ — Я И ТЫ...

■
Зима снегами белыми цвела,
метель неуголенная кружила,
когда я плод запретный сорвала
и на двоих его переломила.
Вход в нищий рай, лишенный шалаша,
открытый всем ветрам и всем напастям.
И жизнь спустя в изгнании душа
не позабудет терпкий привкус счастья.
Мои слова — от нежности — тихи,
но одолеют холода и вьюгу.
Суровый бог отпустит нам грехи
за то тепло, что дали мы друг другу.

■
Будет то, чего не ждешь —
черный день, пресветлый вечер.
Неисполнившийся дождь
напророчит нашу встречу.
Две печали, две беды,
два утаянных испуга,
двух детей полуседых
шаг доверчивый друг к другу.
Душ больных больная связь,
как былинка в чистом поле,
затрепещет, не боясь
предстоящей смертной боли —
одинокчество свое
разделяя приумножить.
Будто скрипка запоет,
задыхаясь в нежной дрожи.
Услыхать, узнать, забыть
голос некогда любимый,
В грозном грохоте судьбы
еле-еле различимый.

■
Цвет багульника, дымка,
лиловый летучий огонь,
почему мне так жутко
от дикой твоей красоты?
Мне холодное пламя его
обжигает ладонь.
Страсть и нежность земли,
а совсем не лесные цветы.
Так не дарят букеты —
так носят в охапке дрова,
чтобы пламя костра,
завывая, взвилось до небес.
Расцветает багульник.
Кружится моя голова.
Разбежался по сопкам,
притих настороженный лес.

■
Просто — как сердца стук.
Это бывает так:
Всякий малейший звук
сам попадает в такт.

Струны созвучны — тронь,
вслушайся не спеша.
Просто — ладонь в ладонь,
просто — к огню огонь,
просто — к душе душа.

■
Будет время — еще покаюсь
в том, что жизнь прожила сполна.
Но пока что не зарекаюсь:
Слава богу, еще грешна.
Что ж, сыграй со мной в чет и нечет,
чую жар твоего угля.
Новой страсти своей навстречу
поднимаю тяжелый взгляд.

■
Еще придет черед для порицаний,
но судьи благосклонны до поры.
Вот я, дрожа, сажусь в чужие сани
и, захлебнувшись ужасом, — с горы!
Все круче спуск. Пейзаж неразличаем.
Летящая цветная пелена.
Лай ветра вслед отрывист и отчаян,
острее ликование и вина.
Полет? Погибель? Я не понимаю.
Но бесполезно жать на тормоза,
когда ты мне навстречу поднимаешь
смеющиеся радостью глаза.

■
А когда судьба отсеет сор случайный,
мелкий мусор повседневной суеты,
мы останемся, как были изначально,
на земле незаселенной — я и ты.
Да неведомые звери в скалах диких,
не имеющих названия пока.
В океан, еще не названный Великим,
путь направит безымянная река.
Вдоль по небу, не запятнанному дымом,
поплывут к закату птицы без имен...
И тогда я прошепчу тебе: "Любимый" —
слово первое всех будущих племен.

■
Разве ведает о горе
эта полночь молодая?...
Как река впадает в море,
я в любовь к тебе впадаю.
Меж обвалов и порогов,
между скал, нависших густо,
все равно пробьет дорогу
переменчивое русло.
У суровых побережий
растечется мягким устьем.
Берега отступят нежно
и поток в пролив допустят.
Позади пески и мели.

Горько-сладок миг слиянья.
...А река дойдет до цели,
и реки совсем не станет.

Рот пересохнет в предчувствии этой минуты,
выпадет сам из дрожащей руки карандаш.
Что мне ответить судьбе, обернувшейся круто?
"Я не предаю". И спросить: "Ты меня не предашь?"
Небо в алмазах, которое нам не увидеть.
Чьи-то столицы, в которых вовеки не жить, —
знаю, не сбудутся. Я на судьбу не в обиде.
Ей наплевать на изжившие срок миражи.
То, что дала она, помню, никто не отнимет.
То, что пошлет она, твердо и честно приму.
Верю в любовь. А она не нуждается в гриме,
вечно прекрасна, хотя неподвластна уму.
Будет — что будет. Я шла к тебе десять столетий.
Я за тебя умирала не раз и не два.
Вот и свершилось. Сомкнулись незримые сети.
Вот мы и вместе. И тут иссякают слова.

И где бы мы ни были вместе,
к нам ангел спускался на зов.
Дрожа, замирали на месте
спешащие стрелки часов.
Срываясь от нежности, пело
извечное таинство двух:
душа, претворенная в тело,
и плоть, воплощенная в дух.

Ни о чем грустить не надо —
этот час еще придет —
листопада, снегопада.
А пока что — ледоход!
Ветер влажен и неровен,
и несет в себе река
глыбы льдин, обломки бревен,
молодые облака.
Годы — мимо, горе — мимо,
впереди певучий май.
Поцелуй меня, любимый,
да покрепче обнимай.
День умыт и приукрашен.
И я точно знаю, да,
непременно будет наша
вся черемуха в садах,
весь багульник на пригорке,
вся лесная сарана.
Это после будет горько...
А сейчас еще весна.

Зея берег обнимала
нежно, вкрадчивей греха.
Я в верховьях не бывала,
а внизу вода тиха.
Так и стелется по пляжам,

так и ластится волна.
Молчалива — не расскажет
то, что видела она.
Унесет, упрячет в иле,
скроет донною травой
все слова, что говорились
для тебя для одного.
Все, что было, все, что будет,
что потом произойдет,
речка Зея не забудет,
все с собою понесет:
как она, шурша о гравий,
нас венчала в синеве,
возле берега расставив
золотые свечи верб.

Все началось — за десять тысяч зим,
тому назад три тысячи черемух.
Ты так же был — и узнан, и любим,
и так же я — чужда и незнакома.
Старо как мир. Как псевдосоловьи,
что запевают в пригородном сквере.
Кто, скажешь ты, измерит срок любви?
Давным-давно кукушками измерен.
Не удержать минуты на руке,
разводит время полюса магнита.
Нам вечно на вселенском сквозняке
скользить по полупознанным орбитам.

Паруса октября, хоть и рваны, натянуты туго.
Осень листья осин убирает в свои закрома.
На скамейке холодной присяду в минуты досуга,
буду думать и помнить: учиться тебя понимать.
От несказанных слов, повторенных в душе
не однажды,
перехватит мне горло голодная злая тоска.
Утолить ли слезами души неуемную жажду?
Я не смею тебе ни писать, ни звонить, ни искать.
Ты молчанье мое, несомненно, припишешь капризу.
Ты, конечно, решишь, что все бывшее было зазря.
Тебя в городе нет. Город пуст и ветрами пронизан.
Надорвавшись, опали в снега паруса октября.

И — ненависть в крови — итог тысячелетья.
Век входит в души к нам, как нечестивец в храм.
Промотано дотла богатое наследье:
смятение теней и плесень по углам.
О вере и любви не поминайте всуе —
каменьями побьют рискнувшего сказать.
Презрение и смех — ответ на поцелуи,
кровавой пеленой застелены глаза.
Безумен этот мир. Безумна и сама я —
тянуться за теплом к сгоревшему углю.
Пока еще люблю. Уже не понимаю.
Пока еще люблю, пока еще люблю...